

Михаил Петрович Арцыбашев

Смерть Ланде

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Михаил Петрович Арцыбашев

Смерть Ланде / Михаил Петрович Арцыбашев – М.: Книга по Требованию, 2011. – 94 с.

ISBN 978-5-4241-2668-0

Широкая, более того - скандальная известность Михаила Петровича Арцыбашева (1878 - 1927) начались с публикации его романа "Санин" (1907). Многие критики восприняли роман как пропаганду аморализма. Нынешний читатель убедится, что эти претензии вряд ли справедливы. Ярко и психологически убедительно писатель рисует образы молодых людей той поры, их настроения и нравы.

ISBN 978-5-4241-2668-0

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Михаил Арцыбашев
Смерть Ланде

I

Зимой городок затихал. Все, что было в нем молодого, беспокойного, разбегалось по большим городам. Оставались одни старики духом и телом, жили по непоколебимому, однообразному порядку: играли в карты, служили, читали и думали, что это правильная жизнь. На улицах тихо лежал неподвижный, холодный саван белого снега, а в домах тихо и сонно копошились конченые люди. А весной, когда черная, влажная земля начинала пахнуть и везде зеленело, и солнце радостно грело, высушивая каждый бугорок, и по вечерам было тихо и чутко, — каждый день с поездом кто-нибудь приезжал домой, и на улицах показывались оживленные, свежие лица, такие же молодые и радостные, как весна. И так же естественно, как прилетали на старые гнезда птицы, как росла на старых местах трава, было то, что именно весною все молодые, жизнерадостные люди возвращались в свой маленький, тихий, немного грустный городок.

Так, в мае приехал сын недавно умершего председателя уездной земской управы, студент-математик Иван Ланде.

Целый день он просидел с матерью, все время с тусклыми, усталыми слезами рассказывавшей ему о смерти отца; а когда стало смеркаться, взял фуражку и пошел на бульвар, над берегом большой реки, еще полной от весенней воды. Там в одном месте берег падал вниз крутым обрывом и над ним были две лавочки из старых зеленых и мягких от сырости досок.

За рекой стемнело. Даль ушла куда-то в темный простор. На потемневшем глубоко небе тихо и незаметно высветились звезды, и все было полно той торжественной тишиной, когда кажется, что кто-то незримый, величавый и спокойный стоит над землей.

Только далеко внизу, на реке, протяжно, с непонятной тревожной грустью, точно предостерегая и напоминая о чем-то печальном и неизбежном, кричал пароход, и на широком речном стекле, странно светлом, когда везде было темно и черно, видна была беспокойная черная точка, быстро оставлявшая за собой ровную широкую серебряную полосу.

На бульваре было безлюдно и пусто. Только из окон клуба падали на землю желтые полосы света и в них двигались беззвучные тени, да на самом обрыве смутно чернели фигуры, вспыхивали вздрагивающие огоньки папирос и еще издали слышались голоса и смех. Ланде спокойно и тихо шел туда и улыбался. Он был легкий и тонкий человек, и шагов его почти не было слышно на мягкой земле.

— ...Запоем песню ли закричим так, чтобы на том берегу было слышно! говорил полный и звонкий женский голос, и слова его мягко и радостно вспыхивали в густом теплом воздухе.

— Начинайте! — задорно отвечал мужской голос, и кто-то смеялся.

Ланде подошел и сказал:

— Здравствуйте!

Он говорил тихо, но внятно и спокойно, и его всегда было слышно.

— А, Ланде! — обрадованно и так резко, что садилось в ушах, закричал маленький, угловатый студент и через головы других протягивал ему большую руку, торчавшую из коротких рукавов тужурки.

Ланде, мягко улыбаясь, с удовольствием крепко и долго пожал ему руку и так же любовно и ласково стал здороваться с другими. Все радостно и оживленно пожимали его худую руку, и было что-то такое простое, искреннее, хорошее в этой общей радости, что ею заразился даже никогда еще не выдавший Ланде приезжий художник Молочаев, большой и сильный человек в широкой шляпе. Когда Ланде подошел к нему и сказал:

— Я — Ланде, познакомимся.

Художник ответил:

— С большим удовольствием! — и с улыбкой посмотрел ему в лицо, точно заглядывая в душу сквозь его чистые и спокойные глаза.

— Я уж о вас слышал! — прибавил он. Голос у него был твердый и звучный, как будто он бил в медный колокол.

— Разве? — спросил Ланде, улыбнулся и сейчас же отвернулся. Но в этом не было равнодушия, а была какая-то скрытая близость, точно он давно знал его.

— О чем вы тут? — спрашивал Ланде.

— Марья Николаевна хочет на луну прыгнуть! — смеясь, отозвался маленький студент.

— Это хорошо! — улыбнулся Ланде.

Больной студент Семенов хрипло закашлялся.

— А ты все болеешь? — ласково сказал Ланде и обнял его за плечи.

— Все... — грустно ответил Семенов, — по-прежнему.

— Ну, ничего! — начал Ланде, и голос его задрожал.

— Нет, брат, мне уж капут! — возразил Семенов, неестественно искривив в улыбке свое, старчески сморщенное от болезни лицо, и голос его против воли тонко и ярко прорезало острое отчаяние. — Скоро из меня хар-роший лопух вырастет!

Все притихли. Что-то холодное и чужое, и страшно близкое всем встало внутри них. Оттого отчетливо был слышен тихий, как слабо натянутая струна, голос Ланде, когда он говорил:

— Полно, голубчик! Нельзя так говорить! Нельзя так говорить о том, чего никто не знает. Все мы умрем когда-нибудь, не я, не ты один, а все, и все вместе узнаем, конец ли, лопух ли, как ты сказал, или иная жизнь. Все! Неужели ты ничего не чувствуешь за этим словом?.. Не может такая сила страдания, любви и мысли не стать над землей, уйти в лопух. И все чувствуют это и верят, и ты веришь, а только не хочешь верить, потому что боишься, как ребенок, нового, непонятного. Ведь мы не знаем смерти, и страшно в ней нам именно то, что мы ее не знаем...

Та торжественная в своей простоте искренность, с которой он говорил свои спутанные, волнующиеся в воздухе слова, действовала на измученный мозг, как неуловимый мягкий запах, как теплая струя, нежащая душу, успокаивающая, отвлекающая обостренную мысль к чему-то неопределенному и светлому, как далекая заря. Детски доверчивая надежда робко засветилась в темной глубине дрожащего сердца, и, даже не вдумываясь в его слова, а только чувствуя их, Семенов улыбнулся спокойнее и светлее.

— Блажен, кто верует! — уже легко, шутя, сказал он.

Тогда все свободнее вздохнули и снова заговорили, задвигались. Незримый холодный призрак тихо отступил и снял свою страшную тяжелую руку.

По бульвару, чиркая длинными ногами по шуршащему песку, прошел высокий, черный как тень человек.

— Это Фирсов, — сказал Ланде и, напрягая голос, крикнул: — Фирсов!

— Кто такой? — тихо спросил Молочаев.

— Так, казначейский чин... — пренебрежительно и как будто досадуя на Ланде, махнул рукой Шишмарев.

Черная тень медленно остановилась.

— Это, кажется, вы, Иван Ферапонтович? — с неверным оттенком, так, что нельзя было понять, с каким чувством он говорит, спросил скрипучий деревянный голос.

— Я, — отозвался Ланде.

Чиркая ногами и из плоской тени превращаясь в длинного костлявого человека, Фирсов подошел.

— Здравствуйте, Иван Ферапонтович, здравствуйте! — преувеличенно радостно заговорил он и, точно стараясь шуметь и волноваться как можно больше, лез по ногам сидевших к Ланде.

— Осторожней... вы!.. — недружелюбно заметил Семенов.

— Здравствуйте, Фирсов! Как живете? — крепко пожимая ему руку, сказал Ланде.

— Что ж, — потирая руки, сказал Фирсов, — как я могу жить. Служба, служба — вот и вся жизнь! Только и живу духом в церкви, обновляюсь...

В его скрипучем голосе все время свистела тоненькая фальшивая нотка самоунижения, когда он говорил о своей жизни, и казалось, что он хвастается ею перед Ланде.

— Небогатая же у вас жизнь, — с открытой насмешкой сказал Шишмарев.

Медленным, как будто хрустящим движением Фирсов повернулся к нему.

— Вы думаете? — сквозь зубы спросил он и прибавил: — Большого богатства, как общение с Богом, не знаю... Вы, конечно, иначе смотрите?

В голосе его тихо вздрогнула скрытая угроза. Шишмарев посмотрел на него презрительно и зло и отвернулся.

— Да... — протянул Фирсов, помолчав. — А я, Иван Ферапонтович, на днях был в суде присяжным. Интересное дело попало. Судили, знаете, за кражу со взломом одного мастера... Он тут у нас на паровой ткацкой служил мастером. Да вы его, кажется, знаете: Ткачев по фамилии...

— Ткачев? — испуганно вскрикнул Ланде, — да не может быть!

— Да, — с удовольствием сказал Фирсов, за кражу. — Дело-то само по себе пустое, но держал он себя... Можете себе представить: от защитника он отказался, сам говорил... «Я украл, говорит, конечно, но, господа присяжные, кто из вас без греха, пусть первый меня осудит!..» Кошунство, в сущности говоря! Но тут только я понял, какая сила в этих словах...

— Тут не в словах дело! — отозвался Семенов.

Фирсов вдруг весь как-то взъерошился и надулся.

— Нет, именно в этих словах!.. В словах!

И он спутанно стал доказывать, что именно эти слова, как чудо, как «слово Божие», независимо от того человека, который сказал их, применив к своей страшной и горькой жизни, «ударил по сердцам». И в том, что он говорил, было что-то такое сухое, скучное, — его не стали слушать.

Марья Николаевна протянула руку в широком белом рукаве, точно крыло какой-то большой белой птицы, и громко сказала:

— Луна, луна всходит!

Фирсов круто замолчал и с выражением злой обиды посмотрел на нее.

— Да, конечно... луна важнее! — пробормотал он.

— Все важно, — ласково, успокаивая его, улыбаясь, сказал Ланде.

В глубоком мраке, не то очень близко, не то страшно далеко, из-за черного горизонта осторожно выглянул кто-то красный и тихо стал круглиться и расти, и сейчас же в темной воде заблестели искры, и тоненький, дрожащий золотой мостик ровно протянулся от одного берега к другому, точно таинственно и безмолвно предлагая легко перейти на ту сторону, в какой-то лазурно-темный и серебряно-светлый мир.

— Какая красота! — полным, восхищенным голосом сказала Марья Николаевна, и голос ее, сильный и свежий, радостно прозвучал над обрывом.

Ланде поднял на нее глаза и долго с радостью смотрел в молодое и красивое лицо, глубокими глазами глядевшее вдаль, мимо него.

— Иван Ферапонтович, — скрипучим, унылым голосом проговорил Фирсов и встал, — мы еще увидимся, конечно... А теперь я пойду.

Конечно, увидимся, — мягко и слабо пожимая ему руку с холодными и влажными пальцами, сказал Ланде.

Фирсов молча попрощался с другими и ушел, чиркая ногами.

— Охота тебе с ним связываться, — холодно пожал плечом Шишмарев, когда он отошел. — Ханжа, скаред... по церквам шляется, а ребенка своего мучает.

— Он... — начал Ланде.

— Э, да оставь, пожалуйста! — с досадой перебил Шишмарев.

Ланде грустно улыбнулся и замолчал.

Луна всплыла над землей и повисла в воздухе, круглая, молчаливая и светлая.

— Вот, напишите что-нибудь такое, Молочаев! — не поворачивая головы, сказала Марья Николаевна. — Так я вас сразу в великие художники произведу!

Молочаев молча смотрел на луну, и глаза у него расширились, стали мягче и глубже, точно он видел что-то, невидимое никому, кроме него, таинственное и великое.

Шишмарев с пренебрежительным вниманием посмотрел на него.

— Напишет! — сказал он и, отвернувшись к Ланде, заговорил торопливо, резко и озабоченно: — Ланде, у нас тут была история на Вершиловской мельнице. Вершилов стал мясо гнилое выдавать, ну, они и того... побили стекла, управляющего помяли... Двадцать два человека взяли!

— А что, они правы, Ланде? — вдруг спросил Семенов с добродушной иронией.

— Да... — твердо ответил Ланде.

— Гм... — издал Семенов неопределенный звук и нахмурился.

— Семейства их в ужасном положении... Скверная история! — встряхнул головой Шишмарев. — Мы тут кое-что устроили для них да что!..

Все замолчали. Ланде смотрел в землю и слабо шевелил тонкими пальцами.

Семенов тихо кашлянул, и звук отчетливо отдался над обрывом. Луна незаметно, точно крадучись, поднималась все выше и выше над чем-то черным и непонятным, и чем выше она поднималась, тем понятнее и светлее становилось

это черное, и скоро стали ясно, но призрачно видны противоположный берег и белые полосы тумана в лугах. От реки тихо вставал тот же белый, холодный туман, и над темной глубокой водой заходили бледные и молчаливые призраки.

Стало сыро и холодно. Семенов застегнул пальто, глубоко надвинул на голову фуражку, так что уши жалко оттопырились, точно у летучей мыши, и встал.

— Я домой... — сказал он. — Холодно... А ты, Соня, пойдешь?

— Нет, — задумчиво ответила тоненькая, как былинка, девочка, все время неподвижно сидевшая над самым обрывом.

— Ну, как хочешь... — мутным голосом, равнодушно сказал Семенов... Холодно. Приходи ко мне, Ланде!

— Хорошо, — ответил Ланде.

— До свиданья!

— Что? — машинально отозвался Молочаев.

— Задумался, художник! До свиданья!

Семенов болезненно сторбил спину и медленно пошел вдоль бульвара.

— Слушай, Леня... — тихо заговорил Ланде, и было видно, что думал он все время об этом. — Надо помочь тем...

— Да, что можно было — сделали. Средств нет никаких!

Ланде встал.

— Где же никаких?... — сказал он задумчиво. — Ты приходи ко мне завтра... А теперь я пойду. Меня мама ждет.

Скоро стало совсем холодно. И земля, и небо, и вода, и лица людей — все голубело от холодного света луны и казалось прозрачным и холодным, как голубой лед. Шишмарев с Соней пошли в одну сторону, а Ланде, Молочаев и Марья Николаевна — в другую.

II

— Я с вас этюд напишу! — сказал Молочаев, близко наклоняясь к самому лицу Марьи Николаевны, ярко освещенному луной.

— Хоть два! — засмеялась она, и глаза у нее вспыхнули веселым гордым удовольствием.

Ланде поднял голову, посмотрел на них и сказал:

— Это хорошо...

Ему хотелось сказать: «Это хорошо, что вы оба такие молодые, красивые и что вы влюблены друг в друга!» Но он не сказал и только улыбнулся.

— Что же вы думаете устроить для рабочих? — вспомнив и делая серьезное лицо, спросила Марья Николаевна.

Ланде слегка развел руками.

— Особенного ничего... а так, на первое время... у меня деньги есть.

Молочаев посмотрел на него, и от его освещенного луной худого, некрасивого, с большими прекрасными глазами лица на художника повеяло простой и несокрушимой решимостью. Чувство неприятной, неопределенной зависти шевельнулось в Молочаеве, точно поежился под лучом света в глубине души его какой-то притаившийся мутный дух.

— Отдадите? — недоверчиво кривя губы, спросил он.

— Да, — ответил Ланде.

— Все? — с выражением нехорошей шутки опять спросил Молочаев.

— Не знаю, право, голубчик... — добродушно и раздумчиво, точно советуясь с ним, ответил Ланде. — Может, и все... как нужно будет.

— А у вас-то их много ли? — с деланной иронией сказал Молочаев.

«Оригинальничает тоже!» — подумал он и, чувствуя, что из зависти к нему-то думает неправду, озлобился.

Марья Николаевна внимательно смотрела на Ланде.

— У меня...

Ланде поправил фуражку и спокойно сказал:

— Не очень... четыре тысячи есть.

И опять Молочаев нехорошо подумал: «А эффектную паузу выдержал!»

Потом нечаянно посмотрел на Марью Николаевну и забыл про Ланде.

— У вас лицо с картин Штука, когда вы смеетесь или задумываетесь! сказал он восхищенным, искренним голосом, а глаза у него жадно заблестели.

Марья Николаевна засмеялась, и при луне на мгновение ярко и таинственно забелели белые зубы в резко очерченных полукруглых губах. Ланде посмотрел на нее и увидел, что лицо у нее точно — белое, сильное и нежное, и жестокое, как на картинах Штука. И вся она была такая высокая, стройная и сильная, и пахло от нее чем-то свежим и возбуждающим.

— Так все им и отдадите? — пряча лицо от Молочаева, спросила Марья Николаевна Ланде.

— Так и отдам! — радостно и ласково улыбаясь ее красоте и ясным глазам, сказал Ланде.

И голос у него был такой спокойно и мягкодушевный, что Марья Николаевна вдруг на мгновение задумалась. Какая-то глубокая, теплая и кроткая струнка

чутко отозвалась где-то в самой глубине ее души.

«Милый он какой-то и странный... Блаженнейший! — с улыбкой вспомнила она, как называл Ланде Семенов... — Нет, он не блаженный!»

Ей захотелось, чтобы это было не так. Не потому, что перед ней было именно Ланде, а потому, что теперь, в ночь, хотелось, чтобы тут близко, в живом и сознательном, засветилось торжественно и просто то могучее и прекрасное, что было вокруг, в лунном свете, в звездном небе, на торжественно-спокойно спящей земле.

— Мне сюда... — сказал Ланде нерешительно. Ему не хотелось уходить от них.

— Прощайте! — холодно и слишком быстро отозвался Молочаев.

Ланде подумал и, тихо улыбаясь, ушел.

«Пусть их!» — сказал он себе, и в душе у него было что-то широкое и умиленное, как общее объятие.

Молочаев и Марья Николаевна долго шли молча, и торжественная тишина точно стояла в самой ее душе.

— Юродивый какой-то этот Ланде! — с нехорошим выражением сказал Молочаев. — Дурачок... А, может, напротив, далеко не дурачок! — скривившись, добавил он, и неожиданно просто и вдумчиво проговорил:

— У него лицо некрасивое, но очень интересное. Вы, кроме своего искусства, ничего не видите! — сказала Марья Николаевна, негромко засмеялась и повернула лицо к луне.

— Нет, я все красивое вижу! — возразил Молочаев, вкладывая в свои незначительные слова особый, близкий и понятный ей смысл.

— А кроме красивого?..

— А черт его знает! Ничего! — вздернул широким плечом Молочаев.

Марья Николаевна смеялась. Под белой кофточкой от смеха колыхалась грудь и при луне, резко очерченная глубокими влажными тенями, казалась точно голой. И вся она в ярком, синеватом свете была какая-то странная, резко красивая, не похожая на обыкновенную дневную женщину.

Молочаев широко открытыми глазами смотрел на нее и что-то властно тянуло и толкало его к ней.

«Ого!» — вспыхнуло у него в мозгу. Давно и любимо знакомое ему чувство силы и жадности задрожало у него в ногах и груди, и вдруг подняло над землей, и отделило от всего мира. Как будто и луна не светила и не было холодно, было жарко и пусто, и только она одна, резко и таинственно красивая, стояла ярко и отдельно, как звезда во мраке, и страшно близкая, и страшно далекая. Молочаев наклонился и сбоку видел темные блестящие глаза, не смотревшие на него, как будто безмолвно ждущие и что-то таинственно обещающие.

Было тихо. Только где-то далеко, за домами, то черными и мрачными, то белыми и холодными, одиноко, тоненько тьякала маленькая собака: «Гав... гав... гав... гав... гав»!..

И что-то общее, странное и напряженное стояло во всем.

— Жить хочется! — тихо, а потом все громче и сильнее заговорила Марья Николаевна. — Что-то сделать хочется, любить хочется...

И вдруг засмеялась неожиданно и звонко.

— На луну прыгнуть хочется, как говорит Шишмарев! — вспомнила она.

И все стало просто и обыкновенно красиво.

— Спать, спать пора! — певуче прибавила она, — вот что! До свиданья!

— До свиданья... — еще дрожащим голосом ответил Молочаев и вздохнул глубоко и напряженно.

Они уже стояли возле калитки ее дома.

— До свиданья!..

Легкие шаги стихли за забором. Где-то раз и другой щелкнул замок; слышно было, как дверь тяжело осела внутрь, кто-то что-то сонно спросил, и опять стало тихо и пусто.

Молочаев долго шел по пустым улицам, залитым лунным светом, смотрел на далекий кружок луны и радостно ни о чем не думал.